

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	7
Нигредо	15
Альbedo	203
Цитринитас	315
Рубедо	417
Эпилог	533

Посвящается Кати

Это как шум, который слышишь во сне. А сон — как всякий сон в закрытом пространстве, — он заразен. Приснилось одному — а потом глядь, а он уже половине заключенных снится. Но шумок, который кто-то слышал, это не сон, это самая что ни на есть реальность. Шум — он из другого порядка вещей. Вы меня понимаете? Кто-то, а потом все слышали шум во сне, но шум-то — он не из сна, он из реальности, он реален. Вы меня понимаете?

Роберто Боланьо, 2666¹

---

¹ Пер. М. Осиповой.

ΠΡΟΛΟΓ

Утром, когда вся Альрауна — когда-то Мандрагора, а еще раньше Рэдэчини — еще спала под плотным снежным одеялом, отец Сарбан вынул из-под сутаны ключи от церкви Прими и, поднявшись по трем каменным ступеням, увидел обгоревшего человека: аморфную грудю красной плоти и черных корок, чье телесное тепло поднималось к небесам, а стоны устремлялись к земле. Сарбан приблизился и попытался разглядеть лицо несчастного (мужчина? женщина? ребенок?), однако тот пострадал слишком сильно, его черты оплавилась, голова превратилась в огромный кулак — сизый, местами обугленный, — и бескрайняя опаленная равнина лба тянулась к самому затылку. Кусочки ткани расплавились и прикипели к коже, словно живые, причиняющие боль одежды, и сквозь мазки, коими была написана гротескная картина, просачивались (как потаенный слой краски на всеми позабытом холсте) далекие, едва слышные стоны на выдохе.

Сарбан помчался к дому Крума, который был на другой стороне улицы, и заколотил в дверь. Время от времени он оборачивался и высматривал на ступенях церкви опаленную плоть, едва заметную среди вздымавшихся повсюду серовато-белых сугробов.

Наверху зажегся свет, и миг спустя из-за двери высунул нос мальчишка.

— Лекаря сюда! — крикнул священник, но тут же решил не ждать ответа и, оттолкнув ребенка, устремился вверх по лестнице.

Поднявшись, стал стучать в дверь Хальбера Крума, а маленький ученик — видимо, сам еще толком не проснувшийся — впустую бормотал, дескать, хозяин спит вполглаза, надо бы потише, не то он проснется и...

— Это мне и нужно, малец! — рявкнул Сарбан и пнул дверь спальни, зовя лекаря по имени.

Вскоре ему открыли; Крум, все еще одурманенный сном, шагнул через порог, поправил колпак на лысине и спросил:

— Что стряслось, отче? Кто умер?

— Пока никто, мастер Крум, — сказал Сарбан, — но, если не поспешим, умрет.

Он схватил лекаря за руку и потащил сперва вниз по лестнице, потом через двор — тот и опомниться не успел, как очутился посреди улицы в ночной сорочке, спальном колпаке и домашних тапочках.

— Погоди, отче, дай хоть что-нибудь на себя накинуть, — вяло протестовал Хальбер Крум, но Сарбан не желал ничего слышать.

— Брось, нет нужды. Это прямо через дорогу.

— Через дорогу, ну да, конечно, — а как же снег?..

— А что снег? Он ведь просто вода.

— Вода-то вода, но...

Прежде чем Крум успел сказать что-нибудь еще, его втолкнули на церковный двор, где взгляд лекаря

упал на обгорелого, и увиденное вынудило его застыть столбом от ужаса, который запечатлелся в памяти до конца отпущенных Круму дней, а то и дольше: целый мир, живой опаленный континент медленно повернулся к вновь прибывшему, мучительно сдвинулись с места обугленные тектонические плиты (в тишине утра Крум услышал потрескивание — это терлись друг о друга их неровные края), и где-то посреди этого массива плоти, побывавшей в огне, открылись два больших покрасневших глаза с радужками цвета полуночи, цвета страха, овладевшего мужчинами. Лекарь услышал стон, и у него задрожали поджилки.

— Ну что ты стоишь? — сказал священник. — Поднимем его!

— Давай позовем... давай отнесем его...

— Нет!

Крум уставился на Сарбана, спросил:

— Но как? Куда?

— Сперва к тебе, потом ко мне.

— Но...

— На прочее у нас нет времени, совсем нет...

Лекарь больше ничего не сказал, а повернулся к замершему в дверях его дома ученику и жестом велел принести носилки. Мальчишка сгинул во тьме передней. Двое застыли в молчании возле обгорелого. Альрауна еще дремала, уютно расположившись на склоне горы, которая будто охраняла город целую вечность. Мужчины хотели о чем-то друг друга спросить, но сами не знали, о чем. Они слушали, как горемыка издает хриплые звуки через оплавившиеся, истекающие

телесными жидкостями отверстия, и молчали. Когда раздались поспешные шаги ученика, оба посмотрели на него. Мальчишка в ужасе замер возле обгорелого, как будто увидел не'Человека из сказки, которого не'Мир исторг в мир обычных людей.

Они завернули несчастного в простыню и положили на носилки, а потом направились к дому лекаря, где в темной передней мельтешили парами глазки да пованивало мокрой шерстью. Протащили мумию вверх по ступенькам и распахнули дверь так, что она ударилась о стенку. В коридор из спальни выскочила госпожа Крум и от смеси изумления и ужаса одной рукой схватилась за голову, другую прижала ко рту.

— Но, Хальбер, что это, дорогой Хальбер? Скажи мне, не молчи! — затараторила женщина.

Однако муж ее отпихнул и рявкнул:

— Прочь с дороги, жена, тут человек умирает!

Ученик, шедший следом, трепетал от мысли, что завернутый в белую ткань обожженный горемыка вот-вот скончается. Мальчик наблюдал, как простыня поднимается и опускается, слушал, как грудная клетка несчастного выпекает мелодию смерти. Из-под складок ткани пробивался смрад и витиеватыми струйками улетал ввысь.

— Где он обгорел? — спросил Хальбер Крум.

— Не знаю, мастер, — ответил Сарбан. — Вот ты смотришь на него, — и смотришь на меня, а я на тебя, — и видишь таким, каким я его только что обнаружил на ступенях церкви.

— Что-то случилось этой но...

— Я не слышал, чтобы ночью что-то загорелось. По крайней мере, не в Прими. Мы бы узнали, если бы он обгорел в Медии? И даже если бы это случилось в Инфими, мы бы все равно узнали.

— Мы бы узнали,— подтвердил лекарь.

Они пронесли несчастного по тесному коридорчику до неосвещенной комнатухи. Там несло дохлятиной и всякими телесными соками. Мальчишка-ученик потрогал колбы, пощупал деревянный стол, пропитавшийся жидкостями, а потом повернулся к незнакомцу на носилках, и в глазах у него потемнело. Подогнулись колени при виде тела, больше не укрытого простыней,— потрескавшейся кожи, лица в ранах и волдырях, скрещенных рук, похожих на тараканьи лапки. Ученик согнулся пополам и его вырвало.

— Марш отсюда, негодяй! — рявкнул Хальбер Крум, и мальчишка пулей вылетел из комнаты, оставив после себя лужу, источающую кислую вонь.

— Садись-ка, отче, мне понадобится время, чтобы очистить раны этого бедного создания,— проговорил Крум со вздохом.— Ты же никому не расскажешь о том, что здесь увидел?

И он покосился на колбы с зародышами животных.

Сарбан молча покачал головой: дескать, не расскажу. Сел на табурет в уголке и стал наблюдать за лекарем, который наклонялся и выпрямлялся, метался туда-сюда и замирал, резал, чистил и отбрасывал, то касался осторожно, то давил решительно, бинтовал и вздыхал. Крум позвал жену и велел найти ему щенков, да побольше.

— А что потом? — спросила женщина.

— Потом ты их сваришь, — ответил лекарь.

Трепетали огоньки свечей, и при взгляде на окошко размером с ладонь, затерявшееся между ящиками и колбами, казалось, будто утро позабыло про мэтрэгунцев.

— Который час, мастер? — спросил Сарбан. — Куда делось солнце?

Крум повернулся к окошку, выглянул наружу и ничего не сказал. Посмотрел на обгорелого, на священника, на небо. Опять промолчал. И в самом деле, та поздняя зимняя ночь, когда на ступенях церкви Прими обнаружили обгорелого, оказалась длиннее обычного, и все последующие ночи были чернее и тяжелее, они укрывали Альрауну свинцовым одеялом, и жители — особенно те, что из Прими, потомки мэтрэгунцы — постоянно говорили о шепотках, струившихся из темных закоулков и из-под подушек с приходом темного времени суток. Тогда-то городские юницы и начали ворочаться в своих постелях.

А обгорелый?

Обгорелый не умер.